

И. Эндзелинъ.

О РОДСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНИЯХЪ

О РОДСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНИЯХЪ ЛАТЫШСКИХЪ ГОВОРОВЪ КЪ ЛИТОВСКИМЪ.

ЛАТЫШСКИХЪ ГОВОРОВЪ КЪ ЛИТОВСКИМЪ.

Уже проф. Бенценбергеръ замѣтилъ и второе особое сходство латышскихъ говоровъ къ литовскимъ, а именно въ своихъ «Letische Dialekt Studien» (стр. 67 — 75) въ вопросе, не является ли латышскій нарѣчье переходнымъ отъ литовскаго языка къ латышскому, и, какъ слѣдовало ожидать, даетъ въ концѣ концовъ отвѣтъ отрицательный на этотъ вопросъ: въ самомъ дѣлѣ, если «переходнымъ» называемъ такой диалектъ, относительно котораго возможно колебаться, къ которому или лучше обратиться съ нимъ изъяснить отъ литовскаго, то въ латышскомъ нарѣчьи, что вышеупомянутое обстоятельство выключитъ изъ состава латышскаго (а не литовскаго) языка, и что вообще нѣтъ переходныхъ говоровъ между латышскимъ и литовскимъ языками. Что же касается особаго сходства восточнолатышскаго нарѣчья съ литовскимъ нарѣчьемъ, то Бенценбергеръ въ немъ усматриваетъ только литовскую окраску, возникшую въ этомъ нарѣчьи отчасти случайно, отчасти благодаря заимствованіямъ. Съ такой формулировкой знаемаго вопроса я одобряю и соглашаюсь и полагаю, что

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1909.

Энциклопедия

О родственных отношениях

Напечатано по распоряжению Императорской Академіи Наукъ.

Іюль 1909 г.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *В. Голицынъ*.

О. ПЕТРОВА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XIII (1908 г.), кн. 4-я, стр. 176 — 211.

О родственныхъ отношеніяхъ латышскихъ говоровъ къ литовскимъ.

Уже проф. Беценбергеръ замѣтилъ нѣкоторое особое сходство *восточнолатышскаго* нарѣчія съ литовскимъ языкомъ.

Не ограничиваясь однако установленіемъ этого факта, онъ въ своихъ «Lettische Dialekt-Studien» (стр. 67 — 79) ставитъ вопросъ, не является ли указанное нарѣчіе «переходнымъ» діалектомъ отъ литовскаго языка къ латышскому, и, какъ слѣдовало ожидать, даетъ въ концѣ концовъ отвѣтъ отрицательный на этотъ вопросъ: въ самомъ дѣлѣ, если «переходнымъ» называемъ такой діалектъ, относительно котораго возможно колебаться, къ которому изъ двухъ сосѣднихъ съ нимъ языковъ онъ принадлежитъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вышеупомянутое нарѣчіе безусловно входитъ въ составъ латышскаго (а не литовскаго) языка, и что вообще нѣтъ переходныхъ говоровъ между латышскимъ и литовскимъ языками. Что же касается особаго сходства восточнолатышскаго нарѣчія съ литовскимъ языкомъ, то Беценбергеръ въ немъ усматриваетъ только литовскую *окраску*, возникшую въ этомъ нарѣчіи отчасти *случайно*, отчасти благодаря *заимствованіямъ*. Съ такой формулировкой даннаго вопроса я однако не могу согласиться и полагаю, что восточнолатышское нарѣчіе дѣйствительно изо всѣхъ латышскихъ говоровъ является самымъ близкимъ къ литовскому языку, причемъ изъ литовскихъ говоровъ *жемайтское* нарѣчіе стоитъ

ближе всего какъ къ латышскому языку вообще, такъ въ особенности къ восточнолатышскому нарѣчію. Обосновывать этотъ свой взглядъ я теперь и начну.

1) *Сходство восточнолатышскаго нарѣчія съ литовскимъ языкомъ вообще.*

А) Въ области *фонетики*. а) Уже Беценбергеромъ указано (I. с. 67 и 79 сл.), что въ восточнолатышскомъ нарѣчіи¹⁾ гласный *ā*, какъ и въ литовскомъ, переходитъ въ *ō* (*ā*). Но по его мнѣнію это совпаденіе не имѣетъ ни какого значенія, такъ какъ де рядомъ съ этимъ въ восточно-латышскомъ нарѣчіи встрѣчается также—чуждый²⁾ литовскому языку—переходъ краткаго *a* въ *o*. Самъ Беценбергеръ однако признаетъ, что переходъ *ā* въ *ō* въ общемъ не подлежитъ никакому ограниченію, между тѣмъ какъ переходъ *a* въ *o* является въ зависимости отъ извѣстныхъ условій. А если это такъ, то не исключена возможность, что *ā* переходило въ *ō* не одновременно съ переходомъ краткаго *a* въ *o*, и что восточнолатышскій переходъ *ā* въ *ō* стоитъ въ генетической связи съ тѣмъ же переходомъ на литовской почвѣ.

б) Беценбергеръ далѣе указываетъ, что въ восточнолатышскомъ нарѣчіи часто удлинняются краткіе ударяемые гласные, какъ и въ литовскомъ языкѣ, но не признаетъ за этимъ совпаденіемъ никакой доказательной силы, такъ какъ де въ восточнолатышскомъ нарѣчіи (въ противоположность къ литовскому языку) удлинняются также ударяемыя *i* и *u*, само же удлинненіе краткихъ гласныхъ не происходитъ такъ правильно какъ въ

1) Въ нижнелатышскомъ нарѣчіи этотъ переходъ знаютъ, насколько мнѣ извѣстно, лишь очень немногіе говоры: Баденгофъ, Ново-Зались (въ Лифляндіи), Ливенберзенъ (въ Курляндіи). Ср. также единичные примѣры у Беценбергера I. с. 90 сл.

2) Только въ части восточнолитовскихъ говоровъ, по указанію Барановскаго, долговатое (ударяемое) *a* переходитъ въ (долговатое) *o*, причѣмъ этотъ переходъ, какъ показываютъ тексты этихъ говоровъ (Литовская хрестоматія стр. 212 сл., 350 сл., 475 сл.), не зависитъ отъ вокализма слѣдующаго слога.

литовскомъ языкѣ и, кромѣ того, встрѣчается также въ нижнелатышскихъ говорахъ. Но теперь, благодаря указаніямъ Барановскаго и Явниса, мы знаемъ, что также въ восточновосточнолитовскомъ и сѣверо-западномъ жемайтскомъ поднарѣчійхъ дѣлаются долговатыми подѣ удареніемъ не только *a* и *e*, но также *i* и *u*. Что же касается кажущейся неправильности удлиненія краткихъ ударяемыхъ гласныхъ въ восточнолатышскомъ нарѣчій, то это явленіе еще нуждается въ точномъ изслѣдованіи. Какъ у Беценбергера, такъ и въ записяхъ по этому нарѣчій, принадлежащихъ г. Мюленбаху и мнѣ самому, дѣйствительно далеко не всѣ ударяемые краткіе гласные являются удлинеными; въ моихъ матеріалахъ эти гласные въ устахъ одного и того же лица являются то краткими, то долговатыми или даже долгими. Но надо имѣть въ виду, что собирая эти матеріалы одновременно обращали вниманіе на всѣ діалектическія особенности, такъ что не исключена возможность, что иногда неправильно записывались (привычные для изслѣдователя) краткіе гласные вмѣсто долговатыхъ, особенно тамъ, гдѣ долговатые гласные не значительно дольше краткихъ. Затѣмъ играетъ роль въ этомъ вопросѣ вѣроятнo и то обстоятельство, что въ *предложеніи* часто цѣлое слово является слабоударяемымъ. Итакъ, желательны болѣе тонкія наблюденія специально надъ этимъ явленіемъ. Если же Беценбергеръ далѣе заявляетъ, что удлиненіе краткихъ ударяемыхъ гласныхъ встрѣчается также въ нижнелатышскихъ говорахъ, приводя нѣсколько примѣровъ изъ Смилтена, Трикатена, Залисбурга, Циравы, Кабиллена, Замитена, Вальдегалена и Дондангена, то мнѣ достоверно извѣстно, что въ первыхъ семи говорахъ краткіе гласные обыкновенно не удлиняются; приведенныя Беценбергеромъ формы представляютъ собою лишь единичные примѣры случайнаго удлиненія. Дондангенскій же говоръ принадлежитъ къ сѣверозападно-латышскому нарѣчій, гдѣ (въ Курляндіи и въ Лифляндіи) правильно удлиняются краткіе гласные передъ звонкими согласными въ случаѣ исчезновенія слѣдовавшаго за ними

гласнаго (нѣсколько примѣровъ у Беценбергера l. с. 150 сл.). Удлиненіе краткихъ гласныхъ помимо только что указаннаго условія я встрѣчалъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) только въ Мало-Грамазденѣ, Пормсатенѣ и Прекульнѣ, но въ этихъ нижнелатышскихъ говорахъ вообще замѣтны слѣды литовскаго вліянія. Форма же *kūkūt* «куковать», на которую также ссылается Беценбергеръ, имѣетъ (также въ нижнелатышскомъ нарѣчій) постоянное (уже пралатышское) *ī*.

γ) Во всѣхъ восточнолатышскихъ говорахъ, насколько мнѣ теперь извѣстно, длительныя (въ нижнелатышскомъ нарѣчій) долготы произносятся, какъ и въ литовскомъ языкѣ, съ нисходящею интонаціею.

δ) Лит. *pir̃štas* «палець» = восточнолат. *pir̃sts* или (съ диалектическимъ переходомъ *ir* въ *ēr*) *pērsts* (: нижнелат. *pir̃skts* или діал. *pēr̃ksts*); лит. *žir̃klės* = восточнолат. *zirkles* «ножницы для стрижки овецъ», наприм. въ Соннактѣ по Беценбергеру l. с. 77, въ Ново-Шваненбургѣ и Фестенѣ (: нижнелат. *dzirkles*); лит. *sudābras* (или *sidābras*) «серебро» = восточнолат. *sudobr(i)s*, наприм. въ Суббатѣ, Тавнагахъ и Звирдзенѣ по Беценбергеру l. с. 77, въ Ликснѣ и Гроссъ-Бушгофѣ (: нижнелат. *sudrabs* или *sidrabs*). Беценбергеръ, правда, указываетъ, что въ историческихъ памятникахъ упоминается мѣстность *Sidobre* въ южной Курляндіи, но съ одной стороны достовѣрно не знаемъ, на какомъ нарѣчій говорили жители этой мѣстности, а съ другой стороны, если и допустить, что прежде и нижнелатышское нарѣчіе знало форму **sudabrs* или **sidabrs*, при наличности общихъ новообразованій нѣкоторое значеніе имѣютъ также общіе архаизмы. Что же касается формы *pir̃sts*, то она, правда, по указанію Беценбергера l. с. 78 извѣстна также въ нижнелатышскомъ говорѣ Трикатена и также (прибавлю отъ себя) въ Смильтенѣ, Зербигалѣ, Мергофѣ, Роннебургѣ, Зербенѣ и Дростенгофѣ; но всѣ эти нижнелатышскіе говоры *граничатъ* съ восточнолатышскимъ нарѣчіемъ, между тѣмъ какъ изъ остальныхъ нижнелатышскихъ говоровъ мнѣ извѣстна лишь форма

pīrksts (или pērkssts). Въ восточнолатышскомъ же нарѣчїи я встрѣчаю эту форму со вставнымъ *k* только въ Эрлаа, Нейгутѣ, Гроссъ-Бушгофѣ, Экенграфѣ, Пикстернѣ, Сеценѣ и Дубена, между тѣмъ какъ огромное большинство извѣстныхъ мнѣ восточнолатышскихъ говоровъ не знаетъ этого *k*.

В) Въ области *морфологїи*. а) Общїя явленїя въ *словообразованїи*. Лит. šauti «стрѣлять» = восточнолат. saut, напр. въ Ново-Шваненбургѣ, Кавнатѣ, Smlt¹⁾ 6, BW²⁾ 13250,8, въ грамматикѣ Регегузена (бывшаго пасторомъ въ Кокенгузенѣ и Ашераденѣ) Mag.³⁾ XX, 2,38 (: нижнелат. šaūt).

Лит. grūdas «зерно» = правосточнолат. *grūds, откуда наприм. grounds въ Сеценѣ, Дубена, Пикстернѣ, Экенграфѣ, ср. также у Беценбергера l. c. 76 (: нижнелат. graūds).

Лит. mēlas «милый» = восточнолат. mīls (съ *ī* изъ *ē*), напр. BW. 13646,20, Zb. XVIII, 411 и въ Кавнатѣ (: нижнелат. mīļš=лит. mylūs).

Лит. geležis «желѣзо» = восточнолат. dzelezs Smlt. 19 и у Беценбергера l. c. 76 (: нижнелат. dzeļzs = лат. gelžis). Беценбергеръ, правда, l. c. 78 замѣчаетъ, что второе *e* формы dzelezs можетъ быть вставнымъ, но по моему это невозможно, такъ какъ возникновеніе вставного *e* между *l* и согласными вообще чуждо восточнолатышскому нарѣчїю.

Лит. jūģios «море» = правосточнолат. *jūģas, ср. мѣстн. пад. jiuģōs Zb.⁴⁾ XVIII, 379 «въ море», род. п. jiuģu въ Прейляхъ «морья» (: нижнелат. jūģa). Такъ какъ въ большинствѣ латышскихъ говоровъ *ġ* перешло въ *r*, то не исключена, впрочемъ, возможность, что уже въ пралатышскомъ рядомъ съ jūģa(s) встрѣчалось также jūga(s), ср. лит. jūga въ словарѣ Юшкевича.

1) Smlt=Tautas dzišmu, posoku, meiklu un parunu wocelēite. Sakrojīs P. Smel-
ters. Riga 1899.

2) BW.=Barons un Wissendorffs, Latwju dainas.

3) Mag. = Magazin, herausgegeben von der lettisch-literarischen Gesell-
schaft.

4) Zb.=Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. W Krakowie.

Лит. *kálvis* «кузнецъ» = восточнолат. *kalv(i)s*, наприм. въ Савензе, Ворковѣ, Zb. XVШ, 276 сл. (: нижнелат. *kalèjs*).

Лит. *obelis* «яблоня» = правосточнолат. **ābels*, ср. *ābels* въ Леттинѣ, Ново-Шваненбургѣ, BW 5590e, 5591d, *ā°bēls* въ Пebaльгѣ, Эрлаа (: нижнелат. *ābele*; по указанію П. Шмидта MWM.¹⁾ 1903 г., стр. 652, форма *ābels* встрѣчается, рядомъ съ болѣе обычнымъ *ābele*, также въ нижнелатышскомъ говорѣ Ронненбурга, не далекаго отъ области восточнолатышскаго нарѣчія).

Лит. *vilnis* (основа на -i) «волна» = правосточнолат. **vilns*, ср. вин. п. множ. ч. *vilnis* въ Краславѣ Mag. XIV, 2, 179 (: нижнелат. *vilnis*, род. п. *vilnia*).

β) Лит. *jis* «онъ» = восточнолат. *jis*, ср. указанія Бецценбергера l. c. 76 (: нижнелат. *viñš*). Если даже согласиться съ Бецценбергеромъ въ томъ, что *jis* когда-то раньше было общелатышскимъ мѣстоименіемъ, то тѣмъ не менѣе и это совпаденіе въ связи съ другими не лишено нѣкотораго значенія.

γ) Лит. *sniņa* «снѣгъ идетъ» = восточнолат. *sneig* въ Сецценѣ (: нижнелат. *snēg*, ср. лит. *snēgt*). Лит. *lūja* «дождь идетъ» = правосточнолат. **lij* (или **lij*? ср. *lij* въ Савензе, Фестенѣ, Берзонѣ, Эрлаа, *lej* въ Гроссъ - Бушгофѣ, Гольмгофѣ, Сецценѣ, *lej* въ Преяляхъ, Кавнатѣ (: нижнелат. *list*). Лит. *sutinku* «лажу съ» = восточнолат. *satiku* въ Старо-Пebaльгѣ, Ново-Шваненбургѣ, *sateiku* въ Кавнатѣ, Zb. XVШ, 242, Smlt. 15 (: нижнелат. *satēku*).

δ) Какъ въ разныхъ литовскихъ говорахъ (ср. указанія Бецценбергера l. c. 73 и Поржезинскаго, Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ, стр. 62), такъ и въ восточнолатышскомъ нарѣчій встрѣчаются окончанія -*tumet* для I л. множ. ч. желательнаго (или условнаго) наклоненія и -*tumet* для II л. множ. ч. того же наклоненія. Въ добавокъ къ восточнола-

1) MWM. = Mahjas Weesa Mehneschraksts.

тышскимъ формамъ, приведеннымъ Беценбергеромъ I. с. 72, укажу, что я это окончаніе встрѣчалъ также въ восточнолатышскихъ говорахъ Гроссъ-Бушгофа, Ворковы, Прейлей. Если даже признать правильнымъ ничѣмъ не обоснованное мнѣніе Поржезинскаго I. с. 66, по которому это восточнолатышское окончаніе заимствовано изъ литовскаго языка, то и возможность заимствованія указываетъ на болѣе тѣсную связь восточнолатышскаго нарѣчія съ литовскимъ языкомъ.

е) Въ восточнолатышскомъ нарѣчій далеко распространены окончанія -mēs (=лит. -mės) для I л. множ. ч. возвратнаго залога и -tēs (=лит. -tės) для II л. множ. ч. того же залога, между тѣмъ какъ нижнелатышское нарѣчіе, насколько мнѣ извѣстно, знаетъ только окончанія -mēs и -tēs (извѣстныя также въ части восточнолатышскихъ говоровъ).

Если и согласимся съ Беценбергеромъ (указавшимъ I. с. 73 на это явленіе), что когда-то прежде и нижнелатышское нарѣчіе знало древнія окончанія -mēs и -tēs, то и въ такомъ случаѣ это совпаденіе не лишено вѣкотораго значенія.

с) Въ области *семасіологии* и *лексикона*. Восточнолатышскій предлогъ *ar*, какъ и лит. *arė*, употребляется и въ переносномъ значеніи русскаго «о(бъ)» (ср. мои Латышскіе предлоги I, 27 сл.), между тѣмъ какъ въ нижнелатышскомъ нарѣчій *ar* обыкновенно сохраняетъ свое мѣстное значеніе («вокругъ»), а въ значеніи русскаго «о(бъ)» употребляется предлогъ *paг*. Только изъ восточнолатышскихъ текстовъ я знаю также форму *arlık* или *arlık* «вокругъ» = лит. *arlık* (ср. мои Латышскіе предлоги I, 31 сл.).

Какъ въ литовскомъ (ср. *Mitteilungen der lit. litter. Gesellsch.* II, 35), такъ и въ восточнолатышскомъ слово *kur* («гдѣ») употребляется въ значеніи относительнаго мѣстоименія (всѣхъ чиселъ, падежей и родовъ), напримѣръ у Беценбергера I. с. 18, *BW.* 20295, 2, 5, *Zb.* XVIII, 419, 446, 447, 486, 489.

Лит. *ateiti* «приходить» = восточнолат. *atēt* въ грамматикѣ

Регегузена Mag. XX 2, 39 или atīt Zb. XVIII, 238, 239 (: нижнелат. (at) nākt).

Какъ лит. viduī, такъ и мѣстн. пад. ед. ч. восточнолатышскаго vid(u)s (напр. vidu въ Сеценѣ, vudā въ Дубена, Zb. XVIII, 239) употребляется въ значеніи «внутри, внутрь» (= нижнелат. ěkšā), между тѣмъ какъ нижнелат. vidū употребляется въ значеніи «среди».

Лит. šáltas «холодный» = восточнолат. solts, напр. Zb. XVIII, 243 (: нижнелат. aūksts).

Лит. dirvā «нива» = правосточнолат. *dirva ср. ВВ. XXIX, 279 (: нижнелат. druva).

Лит. tēpti «мазать» = восточнолат. *tept, ср. им. п. множ. ч. причастія arzatarušis «обмазавшіеся» Zb. XVIII, 491 (tepu ВВ. XXVIII, 275 вѣроятно — литуанизмъ).

Лит. *kairas «лѣвый» (ср. kairē «лѣвица», kairys «лѣвша») = восточнолат. kairs, ср. род. пад. ед. ч. женск. р. kairōs Zb. XVIII, 482.

Лит. visadā «всегда» = восточнолат. vysod Zb. XVIII, 416.

Лит. vaīdas или (у Межиниса) vaidai «раздоръ, ссора» = восточнолат. vaidī «война» Zb. XVIII, 367.

Лит. atkaitas (у Юшкевича) «замѣна, перемѣна» (: keīsti «мѣнять»): восточнолат. atkait «опять» Zb. XVIII 382, 394.

Лит. šēptis «die Zähne fletschen»: восточнолат. *sīpt (изъ *sēpti), ср. III л. прош. вр. atsiņe (zūbus) «оскалила (зубы)» ВВ. 19402.

Что же касается прочихъ восточнолатышскихъ формъ и оборотовъ, приведенныхъ Бецценбергеромъ, то они или сравнительно позднія заимствованія изъ литовскаго языка, или же встрѣчаются также въ нижнелатышскомъ нарѣчьи. Такъ, напри- мѣръ, nāsis «ноздри» — слово, встрѣчающееся, можетъ-быть, во всѣхъ нижнелатышскихъ говорахъ. И, какъ показываетъ ВВ. 2825 съ вариантами, форма klavs «кленъ» встрѣчается также въ нижнелатышскомъ нарѣчьи. То же самое слѣдуетъ сказать про šte «здѣсь» и šitas «этотъ».

2) *Сходство восточнолатышскаго нарѣчія съ жемайтскимъ нарѣчіемъ.*

А) Въ области *фонетики*. α) Въ жемайтскомъ нарѣчіи, какъ извѣстно, звуки *é* и *o* (долгое) перешли въ *ě* и *ŷ*, и также въ восточныхъ говорахъ восточнолатышскаго нарѣчія, какъ указано Беценбергеромъ I. с. 68 и 84 сл., произошелъ подобный переходъ звуковъ, только что переходъ (закрытаго) *ē* въ *ě* въ восточнолатышскомъ зависитъ отъ извѣстныхъ условій, чуждыхъ жемайтскому нарѣчію.

β) Въ восточныхъ говорахъ восточнолатышскаго нарѣчія, какъ извѣстно, звуки *ŷ* и *ě* перешли въ *ŷ̄* и *ě̄*, какъ и въ юго-восточныхъ говорахъ жемайтскаго нарѣчія. Въ сѣверо-западной части этого нарѣчія изъ *ŷ* и *ě* получились *ou* (съ закрытымъ *o*) и *ei* (съ закрытымъ *e*), но эти двугласные, какъ указано мною въ статьѣ о происхожденіи *ě*, вѣроятно получились изъ *uĕ* и *iĕ* (вѣдь въ сѣверо-западныхъ говорахъ жемайтскаго нарѣчія краткія *u* и *i* переходятъ въ закрытыя *o* и *e*), а къ *uĕ* (изъ *uo*) и *iĕ* (изъ *ie*) вѣроятно восходятъ также *ŷ̄* и *ě̄* (на мѣстѣ *ŷ* и *ě*) юго-восточныхъ говоровъ жемайтскаго нарѣчія¹⁾ и восточныхъ говоровъ восточнолатышскаго нарѣчія.

В) Въ области *морфологии*. α) Общія явленія въ *словообразованіи*. Жем.²⁾ (но также верхнелит.) *lytus* «дождь» = восточнолат. *lits* въ Эрлаа, Савензе, *leits* въ Гроссъ-Бушгофѣ, Зельбургѣ, Экенграфѣ, Сеценѣ и др., ср. также указанія Беценбергера I. с. 77 (: нижнелат. *lētus* = восточнолит. *lētus*, напр. у Даукши).

Жем. (по Юшкевичу, но также верхнелит.) *eļksnis* «ольха» = восточнолат. *eļksnis* напр. въ Зельбургѣ, Старо-Пебальгѣ, Эрлаа, Фестенѣ, Кавнатѣ, ср. также ВВ. 2823,1 и въ особен-

1) Готію такъ и пишетъ *ij* вмѣсто *ī*.

2) Ср. напр. указанія Яблонскаго въ послѣсловіи ко II выпуску I тома словаря Юшкевича, стр. IV и XXVII.

ности 9778 съ вариантами, по которымъ *ėlksnis* встрѣчается также въ части сосѣднихъ нижнелатышскихъ говоровъ (: нижнелат. *alksnis* = лит. *alksnis*).

Жем. *vokutis* (гдѣ *y* не изъ *ė*) «нѣмецъ» у Лескина *Bildung der Nomina* 572 (изъ Довконта) и Яблонскаго въ послѣсловіи къ словарю Юшкевича IV = восточнолат. *vōceits* (ср. н. pl. *vōceiši* Zb. XVIII, 283, *latveits* «латышь» 282, женск. р. *latveita* 367, gen. s. *tauteiša* «земляка» Mag. XIV, 2, 174); между тѣмъ какъ нижнелат. *vācētis* = верхнелит. *vokētis*.

Жем. acc. s. *undinī* «воду» Лхр. ¹⁾ 193,36 или *vandinī* Лхр. 323,21 = восточнолат. *jiudinī* Zb. XVIII, 491 съ nom. s. *jiudinīs* и gen. s. *jiudinā* ibid. 462 (: нижнелат. ²⁾ *ūdenī* = верхнелит. *vādenī*), жем. acc. s. *rudinī* «осень» Лхр. 196,26 = восточнолат. *rudīnī*, ср. gen. s. *rudīnā* Zb. XVIII, 468 (: нижнелат. ²⁾ *rudenī* = верхнелит. *rūdenī*).

β) Основы на *-и* въ жемайтскомъ (и также въ сосѣдномъ съ нимъ сѣверномъ прусско-литовскомъ) нарѣчій по указаніямъ Бецценбергера и Явниса оканчиваются въ loc. s. на **-ū*, какъ и въ восточнолатышскихъ говорахъ, напримѣръ въ Ново-Шваненбургѣ, Голговски, Эрлаа, Старо-Пебальгѣ, Лизонѣ, Одензе, Зес-свегенѣ, Линденѣ, Грундзалѣ, Адзель-Шварцгофѣ, Фестенѣ и (по указанію Каулиня) въ Сауссенѣ и Зельзау. Въ другихъ же восточнолатышскихъ говорахъ это окончаніе не сохранилось, потому что тамъ основы на *-и* перешли въ основы на *-о*.

γ) Жемайтское *mūpa* (несклоняемое притяжат. мѣстоименіе I лица ед. ч.), напр. Лхр. 170,18 и 180,37 и въ *Litauische Stu-*

1) Лхр. = Литовская хрестоматія Вольтера.

2) Только въ прусскихъ говорахъ нижнелатышскаго нарѣчія, вообще подвергающихся сильному вліянію литовскаго языка, отмѣчены формы *ūdinī*, *rudinī* и др., ср. Bezzenberger, Ueber die Sprache der preussischen Letten 63 и Becker, В. В. XXVIII, 269, и можно думать, что прусскіе латыши переняли эти формы изъ сосѣднихъ съ жемайтскимъ нарѣчіемъ сѣверныхъ прусско-литовскихъ говоровъ, ср. а. s. *vādinī* въ Прейсш-Кроттингенѣ (*Mitteilungen der lit.-liter.-Ges.* II, 31 и gen. s. *vandinio* у Бреткуна (Bezzenberger, Beiträge zur Gesch. der lit. Sprache 130).

diēn Гейтлера 22 = восточнолат. тина (gen. s. къ тинс «мой» съ полнымъ склонениемъ), напр. въ Зельзау ВВ. XVI, 335, Оппекалнѣ Маг. XIII, 1,22, Краславѣ Маг. XIV, 2,163, Ново-Шваненбургѣ, Лубанѣ, Кроппенгофѣ, Тирзенѣ, Леттинѣ, Савензе, Лезернѣ, Старо-Кальценавѣ, Одензе, Штокмансгофѣ, Линденѣ, Эрлаа, Фестенѣ, Друвененѣ, Гольмгофѣ, Лассенѣ, Гроссъ-Бушгофѣ, Пикстернѣ, Дубена, Сецценѣ, Зельбургѣ, Илукстѣ, Ликснѣ, Ворковѣ, Преяляхъ, Zb. XVIII, 439; жем. dat. s. тин Лхр. 169,37, Kurschat Gramm. §§ 856 и 858 или тину Лхр. 318,17 или тинеі Лхр. 324,23 (также по Яблонскому въ послѣсловіи къ словарю Юшкевича, стр. LIII) «мнѣ» = восточнолат. тин, наприм. въ Сауссенѣ ВВ. XVI, 335, Шваненбургѣ, Буцковски, Тирзенѣ, Ремерсгофѣ, Лаздонѣ, Лизонѣ, Старо-Кальценавѣ, Сецценѣ, Одензе, Штокмансгофѣ, Линденѣ, Эрлаа, Фестенѣ, Друвененѣ, Лезернѣ; жем. асс. s. тині «меня» Лхр. 314,40, Kurschat Gramm. §§ 856 и 856^a = восточнолат. тині, напр. ВВ. 6773 var., или тині, наприм. въ Линденѣ и Эрлаа; жем. gen. s. тинѣс «меня» Лхр. 180,44, или тинѣс Kurschat Gramm. § 855, Mitteil. der lit. liter. Ges. V, 18, или тинѣс Kurschat Gramm. § 856, или тинис Kurschat Gramm. § 856^a: восточнолат. тинис, напр. въ Сауссенѣ ВВ. XV, 297, или тинс, напр. въ Эрлаа. Надо указать, что формы личнаго мѣстоименія съ тин- въ восточнолатышскихъ говорахъ гораздо менѣе распространены чѣмъ притяжательное мѣстоименіе тинс; такъ, напримѣръ, въ инфлянтскихъ сказкахъ, помѣщенныхъ въ Zb. XVIII, рядомъ съ тинс «мой» встрѣчаются только формы dat. s. таі «мнѣ», асс. s. таіі «меня», gen. s. таіис или таіа «меня» (а не тин, тині, тинис).

δ) Жем. ¹⁾ окончаніе -тис (изъ -*тās) для I л. множ. ч.

1) По указанію Явниса, Описаніе Россіенскаго уѣзда 44. Беценбергеръ же (Ueber d. Sprache d. preuss. Letten 88) говоритъ о «сѣвернолит.» -тās вообще и въ своихъ Beiträge z. Gesch. d. lit. Sprache приводитъ окончаніе -тос(i) также изъ старыхъ пруссколитовскихъ текстовъ, но тамъ встрѣчается это окончаніе рядомъ съ обычнымъ -тѣс(i), тогда какъ въ жем. нарѣчьи извѣстно, повидимому, только окончаніе -тис.

возвратнаго залога=тому же окончанію -mās Зельзаускаго говора восточнолат. нарѣчія, указанному ВВ. XVI, 337, ср. также ВВ. XIV, 122¹.

ε) Верхнелит. формамъ наст. времени типа gāuji «рву» въ жемайтскомъ нарѣчіи по указанію Явниса соотвѣтствуютъ формы (новообразованія) типа gāuи (также въ восточнолит. говорахъ, напр. въ Янишскомъ гов. по Лхр. 330,26 и въ Оникштахъ, ср. Schleicher, Donal. 336). И такія же формы на -ни свойственны также восточнолатышскимъ говорамъ, между тѣмъ какъ нижнелатышское нарѣчіе вообще сохраняетъ древнія формы на -ji. Только въ примыкающей къ восточнолат. нарѣчію части нижнелат. говоромъ употребляются формы на -ни (наприм. въ Бальдонѣ, Миссгофѣ, Каугерсгофѣ, Роннебургѣ, Зербенѣ, Дростенгофѣ). Кромѣ того я встрѣчалъ формы на -ни въ нижнелат. говорахъ, недалекихъ отъ жемайтской территоріи: kīauи «складываю въ кучу» въ Крутенѣ (рядомъ съ га uи «рву»), rīauи «кошу» въ Прекульнѣ, га uи «рву» въ Лигуттенѣ. А въ говорахъ этихъ мѣстностей вообще замѣтно нѣкоторое вліяніе сосѣдняго литовскаго языка. Также пруссколатышскія формы на -ни, приведенныя ВВ. XXVIII 276, вѣроятно слѣдуетъ считать литуанизмами.— Изъ восточно-лат. говоромъ Кроппенгофа, Кортенгофа, Дубена извѣстна мнѣ также форма geии (съ ei изъ i) «жру, глотаю» = жем. гуnи (по Куршату также около Мемеля).

ζ) Верхнелит. глаголу imù èmiaũ im̃ti «братъ» соотвѣтствуетъ (по Явнису) жем. jамù (II л. jemì; въ подлинникѣ: jамú, jэмí) jèmiaũ im̃ti (въ словарѣ же Юшкевича даются безъ указанія мѣстности формы jemù (j)èmiaũ (j)im̃ti) = восточнолат. jами jèми (III л. jāmā) jim̃tъ въ Кавнатѣ (ср. еще III л. наст. вр. jam Zb. XVIII 240,241 или jem 241, III л. прош. вр. jēma 466, неопр. накл. jim̃t 454, II л. ед. ч. буд. вр. jim̃si 467), между тѣмъ какъ въ нижнелат. нарѣчіи употребляется jemu jèми jemt.

η) Жемайтское (по Явнису) муžù «mingo» (вѣроятно изъ *муžiu) = восточнолат. mižи въ Кальценавѣ (по Биленштейну

Lett. Sprache I, 352), между тѣмъ какъ изъ нижнелат. говоромъ мнѣ, рядомъ съ обычнымъ мѣзпи, извѣстно и мѣзу изъ Вольмарсгофа (= верхнелит. мѣжù).

С) Въ области *сезаіологіи* и *лексикона*. Жем. kar(a)s «войско» въ значеніи совпадаетъ съ восточнолат. kars (изъ *kařas) «войско» Zb. XVIII 390,439, между тѣмъ какъ верхнелит. kãgas, нижнелат. kařš значать темерь: «война». Только изъ Сасмакенсакаго говора нижнелат. нарѣчія мнѣ по BW. 16217 извѣстно kařš «войско». Ср. также лит. kãgias «войско» у Даукши, напр. Post. 7, 36.

Жем. *kripti «кривиться» (ср. жем. iškripti «искривиться» у Юшкевича; въ верхнелит. нарѣчіи: krỹpti) = восточнолат. *kript, ср. III л. прош. вр. (řeršti jam) atкруппа «(palce mu) skoľcaľu» Zb. XVIII 489.

Жем. dvokti «stinken» Geitler Lit. Stud. 82 (dvokti и dvoкас или dvãkas «вонь» также у Юшкевича): восточнолат. dvaка «вонь» (напр. въ Мезелау).

Теперь, правда, жемайтская территория не граничитъ съ восточнолатышской территоріею, но не исключена возможность, что онѣ когда-то прежде дѣйствительно граничили другъ съ другомъ, и указанныя мною соотвѣтствія, кажется, предполагають это.

З) *Сходство жемайтскаго нарѣчія съ латышскимъ языкомъ вообще.*

А) Въ области *фонетики*. а) Въ жемайтскомъ нарѣчіи акутованныя долготы произносятся съ нисходящею интонаціею, какъ и въ верхнелитовскомъ, но по указанію Явниса *интервалъ* между первою частью долгаго звука, произносимою высокимъ и напряженнымъ голосомъ, и второю, произносимою низкимъ и слабымъ голосомъ, *меньше значителенъ* въ жемайтскомъ, чѣмъ въ верхнелитовскомъ нарѣчіи. Такимъ образомъ жемайтское произношеніе акутованныхъ долготъ стоитъ ближе верхнелитовскаго

къ латышскому произношенію этихъ долготъ: въ восточнолатышскомъ нарѣчїи онѣ произносятся съ нисходящею интонаціею (съ интерваломъ не очень значительнымъ), въ нижнелатышскомъ же съ длительною интонаціею. Также въ произношенїи циркумфлексированныхъ долготъ жемайтское нарѣчїе (съ восходяще-нисходящею интонаціею) занимаетъ середину между верхнелитовскимъ нарѣчїемъ (съ восходящею интонаціею) и латышскимъ языкомъ (съ нисходящею интонаціею).

β) Въ сѣверозападныхъ говорахъ жемайтскаго нарѣчїя и также въ прочихъ сѣверныхъ говорахъ литовскаго языка (по Явнису и Барановскому) преобладаетъ ударенїе вторичное (т. е. перенесенное съ окончанїя на коренной слогъ), свойственное всѣмъ латышскимъ говорамъ, при чемъ долгота съ такимъ вторичнымъ ударенїемъ произносится съ равномѣрно-восходящею интонаціею, какъ и акутованныя долготы съ вторичнымъ ударенїемъ въ части восточнолатышскихъ говоровъ.

γ) Въ жемайтскомъ нарѣчїи и также въ прочихъ сѣверныхъ говорахъ литовскаго языка (по Явнису и Барановскому) слабоударяемые конечные долгіе гласные литовскаго праязыка переходятъ въ краткіе, пралитовскїе же краткіе гласные подвергаются исчезновенію, и подобное явленїе хорошо извѣстно намъ изъ латышскаго языка.

δ) Въ сѣверной части жемайтскаго нарѣчїя (по Явнису) прабалтїйское тавтосиллабическое *an* перешло въ *on* (т. е. въ сочетанїе носоваго *o* съ *n*), и къ такому же *on*, повидимому, восходитъ также латышское *õ* изъ прабалтїйскаго *an*. Слѣдуетъ еще упомянуть, что по указанїямъ Барановскаго и въ части сѣверо-восточныхъ лит. говоровъ ковенской губерніи, примыкающихъ къ жемайтской территорїи, *an* перешло въ *on* (но не въ *õn*).

В) Въ области *морфологии*. α) Общїя явленїя въ *словообразованїи*. Верхнелитовскому *vandũ* «вода» соотвѣтствуетъ въ жемайтскомъ нарѣчїи (по крайней мѣрѣ, въ части его) форма съ начальнымъ *und-*, ср. напр. асс. s. *undinĩ* Лхр. 193,36 (рядомъ

съ vandini 323,21 изъ Андреевскаго жем. говора), и къ und-восходить также *ūd-* въ общелатышскомъ *ūdens*.

По указанію Барановскаго верхнелитовскому уменьшительному суффиксу *-ēlys* соотвѣтствуетъ жемайтское *-elys* (съ краткимъ *e*), какъ и въ латышскомъ (*-elis*). И по его же указанію въ жемайтскомъ нарѣчїи, какъ и въ латышскомъ языкѣ, гораздо меньше уменьшительныхъ суффиксовъ чѣмъ въ верхнелитовскомъ нарѣчїи.

β) Основы на *-и* (существительныя) въ жемайтскомъ нарѣчїи (по указанію Явниса), какъ и въ латышскомъ языкѣ, въ множественномъ числѣ замѣнены основами на *-о*.

γ) Въ жемайтскомъ нарѣчїи (по указанію Явниса), какъ и въ латышскомъ языкѣ, уцѣлѣли только незначительные осколки отъ нетематическаго спряженія.

δ) Верхнелитовскому *ẽsas* «сущій» (по указанію Явниса) соотвѣтствуетъ жем. *ẽsus* = лат. *esus* (съ краткимъ *e*).

ε) Жемайтское (по Явнису, но отчасти и пруссколитовское) *deviau* «я да(валъ)» (:верхнелит. *daviaũ*) = лат. *devi*.

ζ) Жемайтское (по указанію Явниса) *baráu, kaláu, maláu, taráu* (:верхнелит. *bariaũ, kaliaũ, maliaũ, tariaũ*) = лат. *baru* «я бранилъ» (ВВ. XIV, 133¹), *kalu* «ковалъ», *malu* «молъ», *taru* «(с)дѣлался».

η) Жемайтскія формы *siuvù* «шью», *šlejù* «наклоняю», *lejù* «лью», *šalstu* (или *šalù*) «мерзну», *svilstu* или *svelù* «палюсь», *dilstu* или *delù* «убываю (отъ тренія), изношусь», *birstu* «сыплюсь» (по Явнису), *šilstu* «согрѣваюсь» въ послѣсловїи Яблонскаго къ словарю Юшкевича, стр. VIII (:верхнелит. *siũvù, šlejù, lejù, šalù, svilù, dilù, birù, šilù*) = лат. *šu(v)u*, наприм. въ Вальгофѣ, Экау, Старо-Пебальгѣ, Зербенѣ, Дростенгофѣ, Роннебургѣ, Каугерсгофѣ, Вольмарсгофѣ, Нидеръ-Бартау, Каллетенѣ, *sleju, leju, salstu* (употребительное въ части восточнолат. говоромъ *salu*, можетъ-быть, изъ **salu* подъ влія-

ниемъ *kaļu* «кую», *maļu* «мелю»), *svīlstu* или *svēlu*¹⁾ у Регузена *Mag. XX 2, 36*, *dīlstu* или *deļu*, *biřtu*, *siřtu*.

Д) Въ Тельшевскомъ уѣздѣ (по указанію Яблонскаго въ послѣсловіи къ словарю Юшкевича, стр. XIII), въ значеніи верхнелит. инфинитива на *-te*, употребляется и форма съ окончаніемъ *-tīnai* = лат. формѣ съ окончаніемъ *-tin* (ср. *Latweeschu gramatika* §§ 126 и 264).

С) Въ области *семазіологіи* и *лексикона*. Въ жемайтскихъ, но также въ другихъ сѣверныхъ говорахъ Ковенской губерніи (ср. мои Латышскіе предлоги I, 153 сл.) верхнелитовскимъ *reg*, *rég-* соотвѣтствуютъ *rag*, *rāg-* = лат. *raġ*, *rāg-*.

Въ жемайтскихъ, но также въ другихъ сѣвернолитовскихъ говорахъ употребляется предлогъ *lūg* или *līg(i)* «до» = лат. *līdz* или *li(dz)* (ср. мои Латышскіе предлоги I, 76 сл.).

Въ части жемайтскихъ, но также другихъ сѣвернолитовскихъ говоровъ глагольные префиксы *ni-* и *rgē-*, какъ и въ латышскомъ языкѣ (гдѣ *rgē-* замѣнено формою *rē-*), не подвергаются сокращенію въ *ni-* и *rgi-* (ср. мои Латышскіе предлоги I, 128 сл. и 182 сл.).

Жем. *apikarta* «*umgebung*» *Geitler Lit. Stud. 77*: лат. *apkart* «вокругъ».

Жем. *atkalei* «*entgegen, umgekehrt*» *Geitler l. s. 78* (но также у Межиниса; ср. также *atkaļas* «обратный» у Юшкевича) = лат. *atkal* «опять».

Жем. *barioti* «*māsten*» *Geitler l. s. 79*: лат. *bařūt* «кормить».

Жем. (по Барановскому) *balōndys* «голубь» (но также у Юшкевича и Куршата: *balañdis*) = лат. *balūdis*.

Жем. (по Барановскому) *cūgulys* «жаворонокъ» (но также у Юшкевича и Куршата: *cugulys*) = лат. *cīulis*.

1) Причастіе (*svēlūts* или *svēlūšs*) отъ этой основы *svēla-* еще теперь употребляется въ нѣкоторыхъ говорахъ въ значеніи прилагательнаго, ср. наприм. *Deenas Lapaš peelikums I, 59* (съ диалектическимъ *a* изъ *e*) и 89 сл.

Жем. *daba* «природа, свойство, нравъ» Geitler l. c. 80 (но также у Юшкевича) = лат. *daba*.

Жем. *ertas* «geräumig» Geitler l. c. 82 (но также у Юшкевича) = лат. *ērts* (напр. въ средней Курляндіи).

Жем. *gerānkštis* «Backenzahn» Geitler l. c. 83: лат. *dzerūkslis*.

Жем. *gožti* «(ver)giessen» Geitler l. c. 84 (но также у Юшкевича и Межиниса) = лат. *gāzt* «опрокидывать».

Жем. *globti* «beschützen» Geitler Beiträге zur lit. Dialektol. 43 (но также у Юшкевича и Межиниса) = лат. *glābt* «спасти».

Жем. *it* «совершенно, весьма» Geitler Lit. Stud. 88 (также у Юшкевича и Межиниса) = лат. *it*.

Жем. *jaukti* «vermischen» Geitler Beitr. z. lit. Dial. 47 (но также у Межиниса) = лат. *jaūkt*.

Жем. *jautoti* «forschen, nachfragen» Geitler Lit. Stud. 88 (возвратный залогъ также у Юшкевича и Межиниса) = лат. *jautāt*.

Жем. *kiemaris* «zwei zusammengewachsene Nüsse» Geitler l. c. 91 (у Межиниса *kemerė*): лат. *seṃūrs* «Траубе».

Жем. *kiltis* «Geschlecht» Geitler l. c. 91 (но также у Межиниса) = лат. *ciłts*.

Жем. *kliebis* «Armvoll» Geitler l. c. 92 (но также у Межиниса): лат. *klėpis* «Schooss».

Жем. *kropti* «betrügen» Geitler l. c. 93 (но также у Межиниса и *iškrópti* у Юшкевича) = лат. *krāpt*.

Жем. *kuplas* «dichtgewachsen» Geitler Beitr z. lit. Dial. 50¹⁾ = лат. *kupls*.

Жем. *laupyti* «rauben» Geitler Lit. Stud. 94 (но также у Межиниса, и *arłaupyti* у Юшкевича) = лат. *laùpiti*.

Жем. *lėlas* «gross» Geitler l. c. 94 = лат. *lėls*.

Жем. *lugoti* (или *lūgoti*?) «просить» Geitler l. c. 95: лат. *lūgt* «просить».

1) Ср. также лит. *kuplus* «dicht» Mitt. der. lit. liter. Ges. I. 389.

Жем. mižoti Geitler Beitr. z. lit. Dial. 52 = лат. mizât «die Rinde abschälen».

Жем. mukti Geitler l. c. 52 (но также у Межиниса, и išmukti у Юшкевича) «entfliehen» = лат. mukt..

Жем. olavs «ledig, unverheiratet» Geitler l. c. 54: лат. ālava «яловица».

Жем. ploustas Geitler l. c. 26 (у Межиниса plūštas) = лат. plūsts «плоть».

Жем. pasijti «anbinden» Geitler Lit. Stud. 102: лат. sēt «связывать».

Жем. patrakūti «toll sein» Geitler l. c. 103 = лат. (pa)trakūt..

Жем. (по Барановскому) pūly «утка» (pūlē по Куршату также въ Мемельскомъ говорѣ) = лат. pīle.

Жем. goroti «kriechen» Geitler l. c. 106 (у Межиниса gorūti): лат. rāpūt или rāpātēs.

Жем. skobas «sauer» Geitler l. c. 109 = лат. skābs.

Жем. speltis «Seitenloch am Ofen» Geitler l. c. 110 = лат. spelts.

Жем. spēkas «сила» Geitler l. c. 110 = лат. spēks.

Жем. veiklus «gewandt» Geitler l. c. 120 = лат. veikls.

Жем. večas «ветхий» Geitler l. c. 120 = лат. veçs (Лескинъ Die Bildung der Nom. 449 безъ достаточнаго основанія считаетъ эту жемайтскую форму заимствованною изъ латышскаго языка).

Также другіе литовскіе говоры представляютъ отдѣльныя черты особаго сходства съ латышскимъ языкомъ. Такъ наприм. Мемельское нарѣчіе имѣетъ много общаго съ латышскимъ языкомъ въ области лексикона, но Мемельское нарѣчіе близко стоитъ къ жемайтскому нарѣчію, и какъ жемайтское, такъ и Мемельское нарѣчіе, можетъ-быть, позаимствовало нѣсколько словъ изъ сосѣдняго латышскаго языка. Въ восточнолитовскомъ же нарѣчій часть говоровъ (по указанію Барановскаго) отличается напоминающею латышскій языкъ особенностью въ произношеніи

гласныхъ *e* и *é*, которые передъ «твердымъ» слогомъ произносятся (подъ латышскимъ вліяніемъ ?) какъ *a* (*ā*). Но наиболѣе сходно съ латышскимъ языкомъ, повидимому, все-таки жемайтское нарѣчіе. Дальнѣйшія изслѣдованія въ области литовскаго и латышскаго языковъ конечно измѣнять мои сопоставленія въ деталяхъ, такъ какъ въ настоящее время географическое распространеніе отдѣльныхъ формъ и словъ въ балтійскихъ языкахъ изслѣдовано довольно недостаточно.

Къ вопросу о видовомъ значеніи латышскихъ сложныхъ глаголовъ.

Ульяновъ въ своихъ «Значеніяхъ глаг. основъ въ лит.-слав. яз.» II 29 слл. выставилъ положеніе, что слѣдуетъ различать два рода литовскихъ и латышскихъ основъ, сложенныхъ съ приставками: «1) основы, сложенные съ приставками, не отличающіяся по видовымъ значеніямъ отъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ; 2) основы, сложенные съ приставками, отличающіяся по видовымъ значеніямъ отъ соотвѣтствующихъ простыхъ». Основы 1-го рода, по словамъ автора, получаются изъ простыхъ основъ посредствомъ сочетанія съ такими приставками, которыя измѣняютъ какимъ нибудь образомъ реальныя значенія простыхъ основъ; а именно приставки въ основахъ этого рода выражаютъ тѣ различія въ глагольныхъ признакахъ, которыя обусловливаются различными отношеніями ихъ къ объектамъ или субъектамъ. Основы же 2-го рода получаются изъ простыхъ основъ посредствомъ сочетанія съ такими приставками, которыя, не измѣняя реальныхъ значеній простыхъ основъ, измѣняютъ ихъ видовое значеніе. Что касается основъ 1-го рода, то онѣ, по мнѣнію Ульянова (I. с. 53 слл.), какъ и часть простыхъ основъ (I. с. 62 слл.), представляютъ различіе двухъ видовыхъ значеній—длительности и недлительности, причемъ данное различіе въ значеніяхъ не обозначается въ нихъ особыми формами. Фортунатовъ же (въ критическомъ

разборѣ труда Ульянова) считаетъ этотъ взглядъ Ульянова на два рода сложныхъ основъ вѣрнымъ въ основаніи, но формулируетъ его иначе: «въ сложныхъ основахъ 1-го рода приставки, имѣющія здѣсь «предложное» значеніе, т. е. обозначающія отношенія субъектовъ или объектовъ признака, не измѣняютъ при этомъ значенія времени признака въ значеніи глагольной основы, а въ сложныхъ основахъ 2-го рода приставки, не обозначающія здѣсь отношеній субъектовъ или объектовъ признака, т. е. не имѣющія «предложнаго» значенія, измѣняютъ извѣстнымъ образомъ именно значеніе времени признака въ значеніи глагольной основы, при чемъ въ связи съ такимъ значеніемъ могутъ обозначать и другія различія въ самомъ признакѣ, и потому въ этомъ случаѣ получаютъ такія сложныя глагольныя основы, которыя по видовому значенію отличаются отъ соотвѣтственныхъ простыхъ глагольныхъ основъ». Съ мнѣніемъ Ульянова относительно присутствія видовыхъ значеній длительности и недлительности въ сложныхъ основахъ 1-го рода и въ части простыхъ основъ Фортунатовъ не соглашается, вовсе не признавая за ними видового значенія. Послѣ этого я во 2-ой части своихъ «Латышскихъ предлоговъ» высказался слѣдующимъ образомъ: «относительно видового значенія сложныхъ основъ я не могу вполнѣ согласиться ни съ Ульяновымъ, ни съ Фортунатовымъ. Что слѣдуетъ различать два рода сложныхъ основъ, съ этимъ и я согласенъ. Но на мой взглядъ значеніе совершеннаго вида въ общемъ имѣютъ въ латышскомъ какъ сложныя основы 2-го рода, такъ и сложныя основы 1-го рода; разница между ними та, что сложныя основы 2-го рода по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи къ соотвѣтствующимъ простымъ основамъ, сложныя же основы 1-го рода—къ сочетаніямъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ съ нарѣчіемъ. . . Такъ, напримѣръ, *radarīt* «сдѣлать» по видовому значенію находится въ прямомъ отношеніи къ *darīt* «дѣлать»; а напр. *nūkārt* «сойти, слѣзть, спуститься» по видовому значенію находится въ прямомъ отношеніи не къ *kārt* «подыматься, итти», но къ *zemē kārt* «сходить,

слѣзать, спускаться», гдѣ земѣ имѣеть значеніе нарѣчія («внизъ»). И въ пользу этого своего положенія я тамъ привелъ много примѣровъ. Въ своей рецензій (помѣщенной въ 4-ой книжкѣ XI-го тома этихъ же Извѣстій, стр. 430 слл.) Ульяновъ возражаетъ прежде всего, что не можетъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что сложныя основы 1-го рода по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи къ сочетаніямъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ съ нарѣчіемъ, такъ какъ де «сочетанія глаголовъ съ нарѣчіями различій во времени признака со всѣмъ не касаются». И продолжаетъ: «такимъ образомъ мы думаемъ, что если признавать значеніе совершеннаго вида въ основахъ 1-го рода, то надо признавать, что и эти основы, подобно основамъ 2-го рода, по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи также къ соотвѣтствующимъ простымъ основамъ. Кроме того, и самое употребленіе нарѣчій въ сочетаніи съ глаголами въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ латышскомъ, вызываетъ вопросъ, насколько это явленіе чисто латышское». Такъ какъ эта рецензія написана не человѣкомъ несвѣдущимъ, но ученымъ, пользующимся почетною извѣстностью, то я и долженъ считаться съ его возраженіями. И тутъ прежде всего странною мнѣ кажется ссылка въ данной связи на то, что указанное употребленіе нарѣчій въ сочетаніи съ глаголами, можетъ быть, явленіе не чисто латышское. Вѣдь эта ссылка имѣла бы нѣкоторое значеніе, если бы я, напримѣръ, возводилъ указанное явленіе къ литовско-латышскому праязыку; но если дѣйствительно извѣстныя сложныя основы по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи къ сочетаніямъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ съ нарѣчіемъ, то фактъ этотъ остается фактомъ и тогда, если допустить, что такое употребленіе нарѣчій въ сочетаніи съ глаголами—явленіе не чисто латышское. Мой рецензентъ, правда, не признаетъ никакого особаго видоваго значенія за сочетаніями глаголовъ съ нарѣчіями. Но дѣло въ томъ, что извѣстныя формы (указанныя мною I. с.), замѣняющія въ извѣстныхъ случаяхъ въ сочетаніи съ простыми глаголами соотвѣтствующіе сложные

глаголы, имѣютъ въ такихъ случаяхъ не только мѣстное значеніе нарѣчій, но и то значеніе формальнаго элемента, которое имѣетъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ слогъ *-ва-* въ «убивать» (по отношенію къ «убить»). Это явствуетъ не только изъ того, что сочетанія этихъ формъ съ простыми глаголами замѣняютъ собою соответствующіе сложные глаголы въ такихъ случаяхъ, гдѣ требуется форма не совершеннаго вида. Такъ, напримѣръ, дѣйствительное настоящее время отъ вышеупомянутаго *pūkārt* «слѣзть» — не *pūkārju* (что употребляется какъ *praes. historicum* и въ значеніи формы, не обозначающей субъективнаго времени) или *kārju* (что значитъ «подымаюсь»), но *kārju zemè*; а если это такъ, то я не могу согласиться съ мнѣніемъ Ульянова, «что если признавать значеніе совершеннаго вида въ основахъ 1-го рода, то надо признавать, что и эти основы.... по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи также къ соответствующимъ простымъ основамъ». Отношенію р. *слзть*: *слзать* соответствуетъ именно лат. *pūkārt*: *zemè kārju*; форма *zemè* соединяетъ въ себѣ мѣстное значеніе приставки *pū-* и то значеніе, которое вноситъ гласный *a* въ р. «*слзать*» (по отношенію къ «*слзть*»). Что это дѣйствительно такъ, это подтверждается такими приведенными мною л. с. сочетаніями какъ *vyūkās zemā* «раздѣвалась» (: *pūvilkāš* «раздѣлась»), *paikaun žamā* «не убиваетъ», *merstūta žamā* «умирая», *jūdz zemè* «отпрягаетъ», *plūkst āgā* «расцвѣтаетъ» (*praesens* къ *izplūkt* «расцвѣсти»), *kurini (krāsni) cēti* «(печь) затопляй» (къ *aizkurināt* «затопить»), *sit kūpā* «разбиваетъ» (къ *sasist* «разбить»), *sal' kūpā* «замерзаетъ» (къ *sasalt* «замерзнуть»), *neplēs kūpā* «не разрывай» (къ *saplēst* «разорвать»). Только что приведенныя сочетанія, гдѣ формы *zemè*, *āgā*, *cēti*, *kūpā* никакого мѣстнаго значенія болѣе не имѣютъ (при чемъ простые глаголы *kaūt*, *miīt*, *plūkt* имѣютъ и одни то же самое значеніе «убивать», «умирать», «расцвѣтать» какъ и сочетанія *zemè kaūt*, *zemè miīt* ¹⁾, *āgā plūkt*, такъ что въ сочетаніи съ этими гла-

1) Оборотъ рѣдкій вмѣсто обычнаго *miīt*.

голами формы *zemè* и *âgà* являются лишними), очевидно, возникли (рядомъ съ *nûvilkētēs*, *nûkaūt*, *nûmirt*, *nûjûgt*, *izplûkt*, *aizkurinât*, *sasist* и т. д.) по аналогіи такихъ сочетаній какъ *zemè kârt* «слѣзать», *âgà nâkt* «выходить», *cēti taisīt* «затворять», *kûrâ nâkt* «сходиться» и др. (рядомъ съ *nûkârt* «слѣзть», *iznâkt* «выйти», *aiztaisīt* «затворять», *sanâkt* «сойтись» и др.). А это, по моему, было возможно только благодаря тому, что и въ такихъ сочетаніяхъ, какъ *zemè kârt*, *âgà nâkt*, *kûrâ nâkt* и др., формы *zemè*, *âgà*, *kûrâ* и др. имѣли не только мѣстное значеніе нарѣчій, но также вышеупомянутое значеніе формального элемента. Что же касается видового значенія *сложныхъ* основъ 1-го рода, то мой рецензентъ, ссылаясь на указанные мною примѣры употребленія личныхъ формъ дѣйствительнаго настоящаго времени и причастій и инфинитива того же времени отъ этихъ сложныхъ основъ и случаи, гдѣ (въ повелительномъ наклоненіи и по отношенію къ повторяющимся дѣйствіямъ) употребляются, повидимому, безразлично перфективныя и имперфективныя основы, приходитъ къ заключенію, будто бы я многими примѣрами подтвердилъ мнѣніе (Ульянова и) Фортунатова, «что въ латышскомъ есть два рода сложныхъ глагольныхъ основъ: одни изъ нихъ имѣютъ значеніе совершеннаго вида, другія не имѣютъ этого значенія». Съ этимъ выводомъ рецензента впрочемъ не вполне согласуется его же заключеніе: «Остается. . . еще далѣе изслѣдовать, какія именно латышскія сложные глагольныя основы имѣютъ значеніе совершеннаго вида, какія не имѣютъ его». Вѣдь по мнѣнію (Ульянова и) Фортунатова, подтвержденному будто бы мною многими примѣрами, значеніе совершеннаго вида имѣютъ тѣ сложные основы, въ которыхъ приставки не сохраняютъ своихъ реальныхъ или «предложныхъ» значеній, сложные же основы, въ которыхъ приставки сохраняютъ свои реальныя или предложныя значенія, не имѣютъ значенія совершеннаго вида. А если это дѣйствительно такъ, то дальнѣйшія изслѣдованія по этому вопросу, казалось бы, являются уже лишними. Но при всемъ томъ уваженіи, съ которымъ я отношусь

къ научнымъ трудамъ только что упомянутыхъ ученыхъ, мнѣ все-таки не хотѣлось бы думать, что я въ данномъ случаѣ только подтвердилъ ихъ мнѣніе. Если бы по мнѣнію рецензента приведенные мною примѣры формъ настоящаго времени (отъ сложныхъ основъ) съ длительнымъ значеніемъ дѣйствительно доказали, что эти сложныя основы не имѣютъ значенія совершеннаго вида, то значенія совершеннаго вида не имѣли бы также сложныя основы 2-го рода, которымъ однако и Уляновъ самъ и Фортунатовъ приписываютъ это значеніе. Вѣдь я привелъ формы настоящаго времени съ длительнымъ значеніемъ также отъ сложныхъ основъ 2-го рода (что и подчеркнуто мною l. c. 115 и 120)! Предполагая, что мой рецензентъ не замѣтилъ ихъ, я позволю себѣ здѣсь выписать нѣсколько примѣровъ: *vai jūs nekā nesaužēt?* «вы ничего не чуете?» (l. c. 115) *izzagul'* «высыпается» (l. c. 116); *sapel nauða, sarūs zūbentiņš* «деньги плѣсневѣютъ, мечъ ржавѣетъ» (l. c. 116); *kādēl' nesasildēs* «почему ты не грѣбешься?» (l. c. 116) *es škitūs izaūgdama* «подрастая я думала» (l. c. 120); *uzaūgdama kuņģūs gāju* «подрастая я ходила на барщину» (l. c. 120); *sak' māmiņa nūmirdama* «говорить матушка умирая» (l. c. 120); *pastaigādāmās ērauga maisu* «прохаживаясь увидѣла мѣшокъ» (l. c. 121); *sāk sastāstīt brēsmu lētas* «начинаетъ рассказывать страшныя вещи» (l. c. 127); *veļns padarījis lūpus slimus* «чортъ насылалъ болѣзни на скотъ» (l. c. 128); *kad izēšu, pavadīsi; kad pārņākšu, sagaidīsi* «когда я буду выходить, ты меня будешь провожать; когда я буду возвращаться, ты будешь ожидать меня» (l. c. 128). Итакъ, если такіе примѣры не мѣшаютъ Улянову признавать значеніе совершеннаго вида за сложными основами 2-го рода, то приведенные мною l. c. примѣры формъ настоящаго времени съ длительнымъ значеніемъ отъ сложныхъ основъ 1-го рода также не доказываютъ, что эти сложныя основы не имѣютъ значенія совершеннаго вида. Если все-таки вообще еще встрѣчаются формы сложныхъ основъ (и 1-го и 2-го рода) съ длительнымъ значеніемъ, то это только показываетъ,

что въ латышскомъ языкѣ переходъ сочетаній простыхъ основъ, не имѣющихъ значенія совершеннаго вида, съ приставками въ формы съ значеніемъ совершеннаго вида,—переходъ, совершающійся конечно не сразу, но требующій продолжительнаго времени,—или въ настоящее время еще не совсѣмъ закончился или закончился весьма недавно, и что употребленіе сложныхъ основъ въ латышскомъ языкѣ не вполне совпадаетъ съ ихъ употребленіемъ въ русскомъ языкѣ. Къ тому же я I. с. указалъ, что примѣры употребленія сложныхъ основъ въ длительномъ значеніи (за исключеніемъ указанныхъ мною сложныхъ основъ, принявшихъ характеръ простой основы) можно считать немногочисленными, и что часть этихъ примѣровъ взята изъ народныхъ пѣсенъ, вообще представляющихъ (отчасти благодаря требованіямъ размѣра) не мало архаизмовъ. На это мой рецензентъ возражаетъ, что, во-первыхъ, «немногочисленность»—вещь относительная. Это конечно такъ, но имѣя дѣло не съ текстами мертваго языка, но съ литературою и разговорнымъ языкомъ процвѣтающаго доннынѣ народа, я, разумѣется, и не могъ дать абсолютныхъ чиселъ; а что указанные мною примѣры относительно немногочисленны, въ этомъ убѣдился бы и мой рецензентъ, читая съ этою цѣлью латышскіе тексты (для личныхъ формъ прошедшаго и будущаго времени сложныхъ основъ съ *длительнымъ* значеніемъ я даже ни одного примѣра не могъ привести). Если мнѣ далѣе возражаютъ, будто-бы я во многихъ случаяхъ формы настоящаго времени отъ сложныхъ основъ безъ достаточныхъ объективныхъ основаній считалъ формами не дѣйствительнаго настоящаго времени, а, напр., формами *praes. historici*, то къ сожалѣнію рецензентомъ не указаны примѣры, такъ что вмѣсто объективнаго обоснованія своего взгляда я могу только предложить рецензенту, относительно значенія спорныхъ примѣровъ справиться у грамматически образованныхъ латышей. Далѣе мнѣ возражаютъ, что дѣйствительныхъ архаизмовъ въ языкѣ народныхъ пѣсенъ мною приведено I. с. II, 19 не настолько много, чтобы они давали основаніе заключать, что въ народныхъ пѣсняхъ

также въ сложныхъ глаголахъ иногда еще отчетливо сознается адвербиальное значеніе префиксовъ. Почему бы однако считать это невозможнымъ, если въ народныхъ пѣсняхъ иногда префиксъ отдѣляется отъ своего глагола другими словами? Къ тому же I. с. указаны мною только архаизмы въ употребленіи префиксовъ, но далеко не всѣ архаизмы языка народныхъ пѣсенъ вообще! А если языкъ народныхъ пѣсенъ вообще отличается архаизмами, то позволительно думать, что народныя пѣсни отчасти представляютъ языкъ той эпохи, когда сложенеіе глагольныхъ основъ со всякими префиксами еще не (или не всегда) получало значенія совершеннаго вида.

Въ виду сказаннаго надо признать, что рецензентомъ не опровергнуты мои выводы относительно видоваго значенія латышскихъ сложныхъ глаголовъ, а именно что значеніе совершеннаго вида имѣютъ не только сложныя основы 2-го рода, но и сложныя основы 1-го рода. Мюленбахъ же, который въ синтаксисѣ латышской грамматики (изданной имъ и мною сообща) въ общемъ присоединяется къ моему мнѣнію въ этомъ вопросѣ, въ §§ 201—204 еще указываетъ на опредѣленные случаи употребленія формъ дѣйствительнаго настоящаго времени сложныхъ основъ 2-го рода (!), незамѣченные мною.

Еще о латышскомъ дебитивѣ.

Подобно Прельвицу и мнѣ, теперь и Мюленбахъ (въ 3-ей книжкѣ XII тома этихъ Извѣстій, стр. 313—333) форму jā-(ja-) или ju- въ латышскомъ дебитивѣ считаетъ падежною формою относительнаго мѣстоименія *jos «который». Что же касается вопроса, какіе это падежи, то В. В. XXIX 321 я высказалъ мнѣніе, что jā- (съ тою же нисходящею интонаціею какъ и gen. s. tã, kã=лит. tõ «того», kõ «кого») родит. пад. ед. ч., употреблявшійся первоначально въ значеніи gen. partitivi, послѣ отри-

панія и — прибавлю теперь послѣ указаній Прельвица В. В. XXIX, 322—въ значеніи совпавшаго съ нимъ аблатива. Мюленбахъ же, считавшій до ознакомленія съ моимъ мнѣніемъ *jā-* за асс. plur. neutr. gen., теперь относительно формы съ нисходящею интонаціею не оспариваетъ моего мнѣнія. Изъ курляндскихъ же говоровъ извѣстно также *jā-* съ прерывистою и съ длительною интонаціею. Что касается формы *jâ-*, то Мюленбахъ, ссылаясь на то обстоятельство, что въ говорахъ съ *jâ-* gen. *tā* «того», *šā* «этого» имѣетъ длительную интонацію, считаетъ это *jâ-* за loc. sing. (ср. *kâ* «какъ», *tâ* «такъ») и приводитъ одинъ примѣръ, гдѣ *jā-* имѣетъ значеніе мѣстнаго падежа. Но навѣрно Мюленбахъ самъ согласится, что въ значеніи мѣстн. падежа *jā-* встрѣчается менѣе часто чѣмъ въ значеніи другихъ падежей. Затѣмъ, если и теперь безразлично для обоихъ родовъ употребляются формы, напримѣръ, *taī* или *tā* (=лит. loc. s. fem. g. *tojė*) и *tamī*¹⁾ (:лит. loc. s. masc. g. *tamė*), врядъ ли это было такъ уже въ ту эпоху, когда образовался дебитивъ, а если нѣтъ, то страннымъ является выборъ именно формы женскаго рода *jā* для образованія дебитива; да и врядъ ли уже въ ту эпоху изъ двусложной формы, соответствовавшей литовскому *jojė*, уже образовалось односложное *jā*. Въ виду этихъ затрудненій попытаемся возвести къ родительному падежу также *jā-* съ прерывистою интонаціею (которая въ говорахъ съ *jâ-* можетъ быть возведена къ нисходящей интонаціи; изъ говоровъ, различающихъ нисходящую и прерывистую интонаціи, *jā-* мнѣ не извѣстно).

Формы gen. s. *tā*, *šā* въ части говоровъ (также у Биленштейна, у котораго и *jâ-*) по интонаціи различаются отъ литов-

1) Это *tamī* встрѣчается не только, какъ говоритъ Биленштейнъ, въ старой грамматикѣ Адольфи, но и теперь еще въ части говоровъ, наприм. въ Бальдонѣ, Экау, Ронненбургѣ, Вольмарѣ (здѣсь также *kamī* «въ чемъ»), Буртнекѣ; изъ *tamī* получилось или *tamā* (не только въ восточнолатышскомъ нарѣччіи, какъ говоритъ Биленштейнъ, но также наприм. въ Залисбургѣ, Гохрозенѣ, Зербигалѣ) или *tanī* и путемъ контаминаціи формъ *tanī* и *taī* также *tainī*.

скихъ формъ *tō*, *šiō* = лат. *tà*, *šà* въ части говоровъ (наприм. въ Вольмарѣ), между тѣмъ какъ *gen. s. kà* (изъ *kà*) «кого» у Биленштейна сходится съ лит. *kō*, лат. *kà* въ Вольмарѣ. И подобно этому расходятся съ одной стороны, асс. *s.*, *gen. pl. tū*, *šū* и *gen. s. fem. g. tās*, *šās* у Биленштейна и, съ другой стороны, лит. *tā*, *šiā* (*fem.*), *tū*, *šiū*, *tōs*, *šiōs* = лат. *tū*, *šū*, *tàs*, *šàs* въ Вольмарѣ, между тѣмъ какъ асс. *s. kû* (изъ *kū*) у Биленштейна (дающаго кромѣ того и *kū*) = лит. *kā*, лат. *kū* въ Вольмарѣ. Совпаденіе литовскихъ и Вольмарскихъ формъ говоритъ въ пользу того, что ихъ циркумфлексъ древнѣе длительной интонаціи формъ Биленштейна, тѣмъ болѣе что формы мѣстоименія *kas* также у Биленштейна указываютъ на циркумфлексъ. Чтобы понять возникновеніе длительной интонаціи въ указанныхъ формахъ мѣстоименій *tas* и *šis* у Биленштейна, вспомнимъ, что по указаніямъ Явниса въ литовскомъ языкѣ нисходящая интонація передъ главнымъ удареніемъ слова переходитъ въ восходящую. И такъ какъ формы мѣстоименій *tas* и *šis* часто являются въ проклитическомъ положеніи, то я считаю возможнымъ, что въ то время, когда еще всѣ латышскіе говоры отличали нисходящую интонацію отъ прерывистой, формы *gen. s. tà*, *šà*, *tàs*, *šàs* и асс. *s.* и *gen. pl. tū*, *šū* въ проклитическомъ положеніи перешли въ формы *tā*, *šā*, *tās*, *šās*, *tū*, *šū*, которыя потомъ въ части говоровъ были обобщены. Вопросительное же мѣстоименіе *kas* всегда имѣетъ на себѣ удареніе, такъ что сохраненіе формъ *kà* и *kū* понятно. Значитъ, также въ *gen. s. * jā* нисходящая интонація могла быть замѣнена длительною интонаціею, а въ дебитивѣ это *jā-*, имѣя на себѣ удареніе, могло сохранить свою нисходящую интонацію, которая въ части говоровъ въ послѣдствіи совпадаетъ съ прерывистою интонаціею. — Что же касается формы *jā-*, то Мюленбахъ считаетъ возможнымъ считать ее или за асс. *pl. neutr. g.* или за тотъ же *gen. s.* Я предпочитаю послѣднее: въ виду прусск. *kaī*, лит. *taī* также въ латышскомъ ожидается въ значеніи ном.-асс. *pl. neutr. g.* скорѣе * *jaī* чѣмъ * *jā*; что же касается лит. *jog* (рядомъ съ *jūg*) «что» и лат. (діал.) *jà* «если» (въ

которыхъ Мюленбахъ усматриваетъ именно *nom.-acc. pl. neutr. g.*), то лит. *jog* образовалось, можетъ-быть, изъ *jũg* (въ проклитическомъ положеніи, какъ *põ* изъ *pũ*, ср. мои Латышскіе предлоги I, 127), а лат. *jà* «если» получилось, можетъ быть, изъ *ja* «если» подъ вліяніемъ формы *jà* «да», на что указываетъ и нисходящая интонація (длительная интонація достовѣрно не засвидѣтельствована). Во всякомъ случаѣ эти формы не доказываютъ, что во время возникновенія дебитива въ качествѣ *nom.-acc. pl. neutr. g.* употреблялось не * *jai* (: лит. *taĩ*, прусск. *kai*), но * *jā*. Возникшее же въ проклитическомъ положеніи (изъ *gen. s. jà*) *jā* могло затѣмъ проникнуть также въ дебитивъ. Рядомъ съ *jā*- большинства говоровъ встрѣчается также *jā-*, но только въ немногихъ говорахъ, ср. В. В. XXIX, 321: это *ja-*, по моему мнѣнію, скорѣе сокращено въ проклитическомъ положеніи изъ того же *jā-* (въ то время, когда удареніе было еще на глагольной формѣ), чѣмъ древняя форма *acc. s. neutr. g.* Въ такомъ случаѣ всѣ говоры первоначально имѣли бы въ первой части дебитива ту же форму *gen. s.* — Относительно діалектической формы *ju-* я В. В. XXIX, 321 высказалъ предположеніе, что это *ju-* сокращенная въ проклитическомъ положеніи форма *acc. s. * jũ*, Прельвицъ же считаетъ *ju-* за *instrum. s.*; вѣроятно правъ Мюленбахъ, усматривающій въ этомъ *ju-* одновременно и *acc. s.* и *instrum. s.* и подтверждающій это примѣрами ¹⁾.

Что же касается происхожденія глагольной формы въ дебитивѣ, то я въ своей статьѣ В. В. XXVI 66 слл. пришелъ къ заключенію, что глагольная форма въ дебитивѣ первоначально всегда была инфинитивъ, ссылаясь особенно на формы *jābūt*

1) Мюленбахъ даетъ I. с. 321 также нѣсколько примѣровъ сокращенія формъ въ проклитическомъ положеніи; форма *vinpadsmit* «одиннадцать» (также тамъ приведенная) однако врядъ ли когда-либо оказывается безъ ударенія; стало быть, ея *ë* (въ первомъ слогѣ) или *ĩ* (въ Бушгофѣ), образовавшись изъ *ë*, перешло въ *ĩ* не благодаря отсутствію ударенія, но благодаря слѣдующему за нимъ тавтосиллабическому носовому звуку. Въ формѣ же *dimžel* «къ сожалѣнію» (тоже указанной I. с.) переходу *ë* въ *ĩ* вѣроятно содѣйствовало также удареніе на *žel*.

«должно быть». И. Прельвицъ соглашается съ этимъ. Мюленбахъ же считаетъ эту глагольную форму (также въ *jàbût*), третьимъ лицомъ наст. времени. Что также *-bût* въ *jàbût* можетъ быть III л. наст. времени, это Мюленбахъ пытается доказать ссылкой на латинск. *fit*, лит. *bìti* и приведенное Биленштейномъ *Lettische Sprache* II, 168) «причастіе наст. времени» *bûtûts*. За первыми двумя формами однако я тутъ никакой доказательной силы признать не могу, а что касается формы *bûtûts*, то Биленштейнъ ее приводитъ внѣ всякой связи, такъ что ничто намъ не мѣшаетъ думать, что Биленштейнъ выдаетъ ее за причастіе наст. времени только по недоразумѣнію, и считать ее за причастіе (употребляемое въ косвенной рѣчи), произведенное отъ основы условнаго (или желательнаго) наклоненія (другія такого рода формы приводитъ самъ Мюленбахъ въ синтаксисѣ нашей грамматики § 219), и что это въ самомъ дѣлѣ такъ, согласится, надѣюсь, и мой уважаемый коллега самъ. Итакъ, что въ эпоху возникновенія дебитива въ лат. языкѣ существовало III л. наст. времени * *bût(i)* «естъ», это не только не доказано ¹⁾, но даже представляется крайне невѣроятнымъ въ виду того, что во всѣхъ славяно-балтійскихъ языкахъ настоящее время вспомогательнаго глагола образуется не отъ корня *bhū-*, но отъ корня *es-*, и уже въ литовско-латышскую эпоху рядомъ съ древнимъ * *esti* въ значеніи III лица употреблялось новообразование * *īga*. Неужели рядомъ употреблялась еще третья форма * *b(h)ūti*, не засвидѣтельствованная въ значеніи III л. наст. времени ни въ одномъ индоевр. языкѣ? Итакъ, *jàbût* явно указываетъ на употребленіе

1) Этого не доказываютъ также соображенія Бенценбергера KZ. 41, 111 и 114 относительно прусск. *boūlai* и лит. III л. желательнаго наклоненія *bût* (у Куршата *bût*) рядомъ съ *bûtū*: *bût* (или *bût*), по моему, возникло въ проклитическомъ положеніи (въ которомъ часто оказываются формы вспомогательнаго глагола) изъ *bûtū*, подобно тому какъ въ латышскомъ языкѣ рядомъ съ *bija* «былъ» употребляется сокращенное изъ него *bi* (между тѣмъ какъ формы *līja* «шелъ дождь», *gīja* «жралъ», *mīja* «мѣнялъ» и др. никогда не подвергаются такому сокращенію); прусское же *boūlai* могло возникнуть рядомъ съ *boūt* по образцу *ēilai*: *ēit*.

инфинитива въ формахъ дебитива. Если же Мюленбахъ говоритъ I. с. 315, что именит. падежъ при дебитивѣ мѣшаетъ намъ думать объ инфинитивѣ въ образованіи дебитива, такъ какъ де въ латышскомъ языкѣ при инфинитивѣ дополненіе всегда ставится въ винительномъ, а не въ именительномъ падежѣ, то это нѣсколько странно. Вѣдь если въ славянскомъ и литовскомъ языкахъ встрѣчается дополненіе въ именительномъ падежѣ при инфинитивѣ (на что мною было указано по Дельбрюку), то подобныя сочетанія могли встрѣчаться и въ латышскомъ языкѣ во время возникновенія дебитива. И если *juēd* въ оборотѣ *man ir maize juēd* «*mīhi est panis ad edendum*» дѣйствительно восходитъ къ * *jū ēst* (вмѣсто чего теперь говорятъ въ большинствѣ говоровъ: *kū ēst*), то вѣдь именит. падежъ *maize* тутъ объясняется такъ же просто, какъ въ однозначаемъ оборотѣ *man ir maize kū ēst*, т. е. такъ же, какъ его объясняетъ самъ Мюленбахъ I. с. 330. И Мюленбахъ самъ I. с. 325 указываетъ, что вмѣсто дебитива часто употребляется одинъ инфинитивъ или инфинитивъ съ *kū* (= * *jū*). Если же Мюленбахъ думаетъ, что глагольная форма въ дебитивѣ искони вездѣ была III л. наст. времени, т. е., что наприм. оборотъ *man ir maize juēd* значилъ первоначально: *mīhi est panis, quem edunt*, или въ современномъ латышскомъ языкѣ: *man ir maize, kū ēd*, то оборотъ этотъ формально, правда, правиленъ, но врядъ ли гдѣ-нибудь встрѣчается въ латышскихъ текстахъ или въ народной рѣчи, такъ какъ вмѣсто этого принято говорить: *man ir maize kū ēst*; и что также *-būt* въ *jābūt* можетъ быть III л. настоящаго времени, это Мюленбахомъ не доказано. И такъ, значеніе дебитива указываетъ именно на инфинитивъ, а не на III л. наст. времени. Но чтобы только подъ вліяніемъ тѣхъ немногочисленныхъ нетематическихъ основъ наст. времени, III л. которыхъ совпадаетъ съ инфинитивомъ, также у всѣхъ тематическихъ основъ инфинитивъ былъ замѣненъ III лицомъ наст. времени, это предположеніе, правда, не совсѣмъ удобно. И поэтому, и также въ виду такихъ литовскихъ оборотовъ какъ *ņēr* (*šaukštū*) *kuōm vālgā* Лит.

хрест. 378,24 и *jám nebebùs kàs éda* 369,30 (гдѣ однако страннымъ образомъ *kàs* вмѣсто ожидаемаго винит. падежа), я считаю возможнымъ, что въ части случаевъ (гдѣ въ части говоровъ ставится *ju-*) уже съ самаго начала рядомъ съ инфинитивомъ ставилось III л. наст. времени (для выраженія же долженствованія первоначально вѣроятно ставился только инфинитивъ), и что потомъ, послѣ смѣшенія обѣихъ конструкцій, уже указаннымъ путемъ инфинитивъ въ дебитивѣ (кромѣ *jàbût*) былъ вытѣсненъ III лицомъ наст. времени.

Укажу еще на нѣкоторыя подробности въ употребленіи дебитива. *Mag. X, 3,77* приводится (изъ Сакенгаузена) оборотъ *pi jau jābūs ēt* «теперь уже придется пойти» (вмѣсто обычнаго *pi jau būs jāēt*); если это вообще правильно написано, то и тогда крайне сомнительно, всегда ли такъ говорятъ въ Сакенгаузенѣ. Скорѣе всего это ошибочный единичный оборотъ.

Также въ евангеліяхъ 1587 г. *jā-* иногда имѣетъ значеніе діалектическаго *ju-*, напримѣръ: *jir jums šeit kas jāēd (= kũ ēst)? tēms nebij jāēd (= kũ ēst)*.

Если дополненіемъ дебитива является личное мѣстоименіе, то оно иногда ставится въ винит. падежѣ даже въ такихъ говорахъ, въ которыхъ дополненіе дебитива обыкновенно ставится въ именит. падежѣ: наприм. *vaī man tevī jāaicīna* (въ Цемпенѣ, гдѣ обыкновенно ставится именит. пад. при дебитивѣ) «развѣ я долженъ тебя приглашать?» Примѣръ съ именит. падежомъ: *tāpat tu rats ar bij jāglabā* (Вольмаръ) «такъ же и за тобою приходилось ухаживать».

Нѣсколько этимологій.

Латышск. *rēge* «лобъ».

Предполагая диссимиляцію (ср. наприм. латышск. *keiris* «лѣвшя» изъ **kreiris* ВВ. XXIX 190), я возвожу *rēge* къ

* ргёге и сближаю его съ латышск. ргёкša «передокъ, лицевая сторона» (отъ * ргё «передъ», ср. мои Латышскіе предлоги I, 185). Относительно значенія ср. отношеніе между латинск. ante «передъ» и латинск. antiae «capilli demissi in frontem», древнеирландск. étan, древне-верхне-нѣм. andi или endi «лобъ». Что до окончанія, то ср. латышск. рауге «черепъ», дуге «кулакъ».

Скр. gāhatē «taucht ein, vertieft sich».

Этотъ санскритскій глаголь я въ виду причастія gādha сопоставляю не съ древнеирл. bāidim «tauche unter, ertränke», какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, но съ латышск. gāzt «низвергать, опрокидывать», лит. góžti «валить» (у Юшкевича), «vergiessen» (изъ Довконта въ Litauische Studien Гейтлера). Что до значенія греч. βῆσσα (дор. βᾶσσα), «ущелие, долина», также сопоставляемаго съ скр. gāhatē, то ср. латышск. раgāza «Abhang eines Hügels».

Лит. aukauti.

Къ указаннымъ уже (ср. мои Латышскіе предлоги I, 60) слѣдамъ префикса au- въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ можно прибавить еще лит. глаголь aukauti изъ au-kauti «уби(вать)» (ср. латышск. nūkaūt «убить»). Теперь, правда, этотъ глаголь переводятъ «жертвовать» (такъ Гейтлеръ ¹⁾ въ Lit. Studien и Лескинъ въ Bildung der Nomina im Lit. 229) и производятъ отъ аука «жертва» (тамъ же у Гейтлера и Лескина и также у Межиниса). Но если взять примѣры употребленія

1) При этомъ Гейтлеръ приводитъ (изъ недоступнаго мнѣ рукописнаго сочиненія Довконта) не aukauti, но aukūti; но такъ какъ Г. отъ глаголь вообще приводитъ форму инфинитива, и основа praeteriti отъ -auti и -ūti одинаково оканчивается на -avo-, то позволительно думать, что Г. въ данномъ мѣстѣ Довконта читая именно форму, произведенную отъ этой основы praeteriti, по недоразумѣнію образовалъ къ ней инфинитивъ aukūti. Въ текстѣ приведены мною формы изъ Довконта, несомнѣнно произведенныя отъ aukauti.

его у Довконтa: *tū tau . . . aukautiem* (Лит. хрест. 192,44); *mesa aukautiu giwolū* (ibid. 193,5; ср. еще 196,38 и 45), то тутъ *aukauti* могло бы имѣть еще значеніе «закалать (жертвенное животное)». Послѣ того какъ префиксъ *au-* вышелъ изъ употребленія въ литовскомъ языкѣ, да и простой глаголь *kauti* сталъ мало употребляться (Куршатъ приводитъ его только въ скобкахъ и безъ знака ударенія) и измѣнять свое значеніе (ср. *arkauti* «оковать» у Юшкевича), не удивительно, что *aukauti* стали считать производнымъ глаголомъ на *-auti*, тѣмъ болѣе что спряженіе *aukauti* (если удареніе таково) ничѣмъ не отличалось отъ спряженія, наприм., *karauti* «воевать», если и въ литовскомъ языкѣ (какъ еще теперь въ части латышскихъ говоровъ) основа *praeteriti* глагола *kauti* прежде оканчивалась на *-o* (= лат. *-ā*) съ краткимъ гласнымъ въ корнѣ. И такъ какъ рядомъ со многими глаголами на *-auti* стоятъ существительныя (отъ которыхъ произведены эти глаголы), то рядомъ съ *aukauti* (когда происхожденіе и первоначальное значеніе его было забыто) могло возникнуть существительное *auka* «жертва». Если послѣднее слово встрѣчается впервые у Довконтa, то оно вѣроятно новообразованіе самого Довконтa; ср. Лит. хрест. 192,39, гдѣ онъ, употребивъ слово *auka*, самъ поясняетъ его словомъ *arēgā*. Отъ *auka* произведены формы *aukurgas* (у Довконтa; можетъ быть, его новообразованіе: употребивъ его, онъ поясняетъ его словомъ *altorius* Окончаніе, можетъ-быть, обусловлено глаголомъ *kūrti*) или (у Межиниса) *aukaras* «алтарь» (подъ вліяніемъ этого русскаго слова вѣроятно тутъ измѣнено окончаніе литовской формы) и *aukininkas* (у Гейтлера) «жертвователь».

Скр. *garjati*.

Къ скр. *garjati* «brüllt, brummt, braust» ближе всего въ формальномъ отношеніи стоитъ лит. *gargėti* «булькать» и *gargūti* «хрипѣть» (у Юшкевича), латышск. *gārgt* (наст. вр. *gārdzu*) «хрипѣть».

Латышск. *prēde* «сосна».

Г. Мейеръ (Etymol. Wörterb. d. alban. Spr. 45 сл.), разсуждая о происхожденіи алб. *breḗ-ḗi* (основа: *breḗ-*) «Tanne», указываетъ между прочимъ также на лат. *prēde*. Но лат. *p-* не соотвѣтствуетъ алб. *b-* (если тутъ не допускаемъ чередованія между *tennis* и *media*). Можетъ-быть, *prēde* получилось (путемъ перестановки *r*) изъ * *pēdre* (ср. латышск. діал. *brede* изъ *bedre* «яма», діал. *strēbs* изъ *stēbrs* «Binse» = лит. *stembras* «Stengel»); если это такъ, и если *ē* изъ *en*, то *prēde* можно сопоставлять съ латинск. *pīnus*, гр. *πίτυς*, скр. *pītu-dāru*.

Латышск. *liškis* «льстець».

Какъ *kumškis* изъ * *kumstis* «горсть», *īkškis* изъ *īkstis* «большой палець» (ср. мои Латышскіе предлоги I, 34), такъ и *liškis* могло образоваться изъ * *listis* и въ такомъ случаѣ очевидно родственно съ гот. *lists*, прскл. *лсть*.

Латышск. *kukt*.

Словарь Ульмана даетъ *kukt* съ примѣромъ *vista stāv sakukusi* «das Huhn lässt die Flügel hängen». Другой примѣръ: *arkuka iz goļda i nūmyra Zbiòr XVIII 385* «oparļ się (переводъ, вѣроятно, не совсемъ точный) на stole i ušarļ». Это *kukt* очевидно родственно съ латышск. *kukñūt* «hocken», польск. *kuczeć* «hocken», скр. *kucati* или *kuñcatē* «zieht sich zusammen, krümmt sich» и др.; ср. также лит. форму *sukùkę* у Буги Aist. Studijai I, 25.

Латышск. *sudmalas* «мельница».

Въ виду формъ *sādmales* изъ * *sētmales* «eine Art von Zaun» (Bezenberger, Lettische Dialekt-Studien 175) и *padmalis* изъ * *patmalis* «mola» (въ словарѣ Эльгера 637) я возвожу *sudmalas* къ * *sutmalas* и произвожу *sut-* отъ *suta* «шаръ».

Латышск. *dunēt* «dröhnen».

Это слово очевидно родственно съ скр. *dhvanati* «tönt», *dhuniš* «rauschend, brausend», древнесакс. *dunjan* и др.

Авест. *paēza-*.

Авест. *paēza-* «Spitze (spez. der Nadel)», можетъ-быть, родственно съ скр. *nikṣati* (изъ * *niḡhseti*) «durchbohrt», *nēkṣaṇam* «spitzer Stab, Spiess», прксл. нъж «infigo», низати «transfigere», лит. *pēžėti*, латышск. *pēžēt* «зудѣть, чесаться», лит. *pēžaī* «чесотка», ср. v. Fierlinger KZ. XXVII 436, Johanson IF. II, 51². Отъ того же корня вѣроятно происходитъ и авест. *paēza-* «Name einer Krankheit»; чесотка, правда, въ Авестѣ называется *garənu-*, но ср. напр. латышск. *dūrējs* «колотье (въ животѣ или въ боку)» отъ *duīt* «колоть».

Латышск. *nasks* «hurtig».

Это слово, можетъ быть, восходить къ * *na(g)skus* отъ *nags* «ноготь»; ср. (относительно значенія) лат. *padzigs* «hurtig» (отъ *nags*), (относительно суффикса) лит. *ėskus* «gefrässig» отъ * *ėd-skus* (напр. въ Lit. Studien Гейтлера) и (относительно перехода -*gsk-* въ -*sk-*) мои латышскіе предлоги I, 35. Однозначашее съ *nasks* слово *knašs* изъ **knuasus*, можетъ-быть, путемъ перестановки изъ * *naskūs*.

Латышск. *birde* «Webergestell».

Это слово очевидно родственно съ праслав. **бърдо*, откуда русск. *бѣрдо* и др., на что не указано въ словарѣ Бернекера.

И. Эндзелинъ.

